

С. М. КИРОВ НА ПОСТУ СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДА В МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ГРУЗИИ

Д. С. ЗАВРИЕВ

В конце 1919 — начале 1920 г. в меньшевистской Грузии создалась революционная ситуация. Состоявшийся в последних числах сентября 1919 г. Гленум Кавказского краевого комитета РКП(б) констатировал наличие предпосылок для победы вооруженного восстания. После неудачного всеобщего восстания осенью 1919 г. большевистские организации в начале 1920 г. восстановили нелегальный партийный аппарат и начали подготовку к решительной борьбе за свержение господства меньшевиков и установление Советской власти.

В это время Красная Армия, громя белогвардейские полчища, двигалась на юг. 25 марта 1920 г. был освобожден г. Грозный, 30 марта — Владикавказ (ныне Орджоникидзе) и Петровск (ныне Махачкала). Народы Северного Кавказа и Закавказья с энтузиазмом встречали радостную весть о приближении советских войск. Революционные настроения проникали даже в ряды меньшевистской армии¹.

Красная Армия стремительно продвигалась к Азербайджану. В ночь с 27 на 28 апреля в Баку при братской помощи великого русского народа было свергнуто ненавистное мусаватистское правительство и провозглашена Советская власть. Меньшевики были ошеломлены. Председатель правительства меньшевистской Грузии Н. Жордания на заседании Учредительного собрания 30 апреля 1920 г. вынужден был заявить: «Нам стало ясно в чем дело, и мы сказали: большевики приехали сюда (в Азербайджан. — Д. З.) скорым поездом, не встречая никакого сопротивления, следовательно вступили в страну по соглашению с азербайджанским народом»².

Между тем, части разгромленной деникинской армии, отступая на юг, укрывались на территории Грузии. Новая угроза нависла над грузинским народом. Терпя крах, Антанта хотела превратить Грузию в плацдарм антисоветской борьбы, в базу снабжения вооруженных сил южнорусской контрреволюции, в центр вербовки недобитых белогвардейцев для отправки их в Крым на помощь генералу Врангелю. Перед этой угрозой взоры трудящихся Грузии были обращены в сторону Советской России. «Мы страстно жаждем рука об руку с русским пролетариатом вступить в новую жизнь всеобщего труда и социалистического строительства», говорилось в обращении коммунистических организаций Кавказа, написанном в середине марта 1920 г. от имени трудящихся края, в том числе Грузии³.

С другой стороны, Советская Россия была заинтересована в том, чтобы скорее покончить с войной и приступить к мирному социалистическому строительству. Правительство РСФСР еще 2 января 1920 г. обратилось к правительству меньшевистской Грузии с предложением совместными усилиями ускорить полный разгром белогвардейщины. Советское правительство указывало, что южная контрреволюция заклятый враг не только РСФСР, но и всех малых народов, которые входили ранее в состав Российской империи⁴.

Поэтому Советское правительство придавало большое значение заключению мирного договора с меньшевистской Грузией. Договор был подписан 7 мая 1920 г., в его основу лег ленинский принцип мирного сосуществования. Советская Россия признавала независимость грузинского государства. Меньшевистское правительство обязывалось разоружить и интернировать, передав правительству РСФСР уже находящиеся в Грузии белогвардейские части и те, которые могут вступить на ее территорию в будущем; разоружить и интернировать все находящиеся в портах Грузии белогвардейские суда; передать России безвозмездно все без исключения военное и военно-морское имущество, ценности и денежные суммы, принадлежащие белогвардейским властям. В особом дополнении к договору имелось обязательство меньшевистского правительства легализовать грузинскую большевистскую организацию.

После подписания мирного договора вместо Кавказского краевого комитета в Баку было создано Кавказское бюро ЦК РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе. В июне грузинская большевистская организация, являясь неразрывной частью РКП(б), оформилась в Коммунистическую партию (большевиков) Грузии. 3 июня начал выходить орган ЦК и ТК КП(б) Грузии «Коммунисти» на грузинском, а с 1 июля и на русском языках.

Полномочным представителем РСФСР при меньшевистском правительстве был назначен С. М. Киров, выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный ученик В. И. Ленина. Назначение С. М. Кирова состоялось 29 мая. Перед отъездом из Москвы он имел личную беседу с В. И. Лениным, по пути встретился с Г. К. Орджоникидзе в Баку. 20 июня в 6 часов вечера по Военно-Грузинской дороге Киров прибыл в Тифлис.

Меньшевики приняли все меры к тому, чтобы не допустить торжественной встречи грузинских трудящихся с представителем Советской России. Несмотря на это, огромные

¹ См. «Коммунист» (на русск. яз.), Баку, 24 июня 1920 г.

² «Борьба» (на русск. яз., орган груз. меньшевиков), Тифлис, 5 мая 1920 г.

³ ЦГАОР и СС ГрузССР, ф. 50, д. 307, лл. 6—9.

⁴ Там же, ф. 51, д. 100, л. 12.

массы народа собрались 20 июня на проспекте Руставели, по которому проезжал С. М. Киров, и у помещений, отведенных посольству. От имени ЦК КП(б) Грузии С. М. Кирова приветствовал Ф. Махарадзе, просивший передать Советскому правительству и славной героической Красной Армии «чувства радости и любви, которые питают трудящиеся Грузии к трудящимся России»⁵.

В ответном слове С. М. Киров приветствовал грузинский народ от имени Советского правительства. Громом аплодисментов встретили собравшиеся его слова: «Да здравствует Советская Россия и союзная ей Грузия». Чины меньшевистской полиции и охраны по-своему реагировали на эту радостную встречу. Они тут же стали избивать присутствующих на митинге людей. Были произведены аресты. Меньшевистская «Борьба» предостерегающе писала: «Демократия Грузии с напряженным вниманием следит за приехавшими к нам советскими дипломатами»⁶. И действительно, слежка была установлена. Об этом красноречиво свидетельствует следующий эпизод, приведенный в воспоминаниях первого секретаря миссии РСФСР в Тифлисе Андреева. «После обеда,— рассказывает Андреев,— обыкновенно часов в 5—6, мы оканчивали работу и, так как в Тифлисе стояла жара, С. М. брал свою машину, лучшую в Тифлисе (черная машина с красным флагом; он, бывало, про нее говорил «большевистская машина») ⁷, и мы с ним ехали в Коджоры. И, как правило,— только выедем, пристает к нам какая-нибудь другая машина и следует за нами. Сидят там какие-то, похожие на иностранцев. Он всегда чувствовал и говорил: «Эта машина подозрительная». Пользуясь тем, что машина хорошо ходит, мы, бывало, сперва пустим ее, потом С. М. говорит шоферу: «Выключай, Василий». Остановились. Что делать другой машине? Остановиться за нами? Она идет вперед, нагоняет нас, уходит вперед, мы поворачиваемся обратно — ушли»⁸.

* * *

С. М. Киров ясно представлял себе всю сложность обстановки в Грузии. В письме к Г. В. Чичерину в августе 1920 г. он писал: «Здесь нельзя не отметить действительно глубокого противоречия, а именно: в мелкобуржуазной Грузии должна существовать и работать коммунистическая партия, одно официальное существование которой представляет огромную угрозу существующему строю»⁹.

Эти противоречия сказались в деятельности меньшевистского правительства сразу же после подписания мирного договора. Вопреки договору, предусматривавшему немедленное освобождение арестованных большевиков, меньшевики занялись срочной подготовкой тюрем для новых арестованных и приняли меры к укреплению дисциплины среди тюремщиков. Срочно формировался новый тысячный отряд для охраны тюрем. Меньшевистский министр внутренних дел Рамишвили заявил в Учредительном собрании: «Если деятельность особого отряда когда-нибудь нужна нашей стране, то в настоящий момент она тем более необходима»¹⁰.

Чтобы территория Грузии не служила базой для враждебных Советской России войск и чтобы обеспечить коммунистам Грузии легальное положение, важно было рассказать трудящимся правду о Советской России, разоблачить ложь, распространявшуюся меньшевистской печатью. Поэтому С. М. Киров 23 июня, т. е. на третий день после приезда в Тифлис, в интервью представителям грузинской прессы подробно рассказал о том, что делается в стране Советов, как русский народ, сбросив ярмо капиталистов и помещиков, защищает свою свободу и завоевания Великого Октября¹¹. Это интервью сыграло важную роль. Оно раскрыло глаза грузинским трудящимся на события, происходившие в РСФСР.

Положительно сказалась легализация Коммунистической партии. ЦК КП(б) Грузии объявил регистрацию членов партии. В регистрационные бюро в городах и деревнях потянулись тысячи трудящихся, чтобы стать в ряды передовых борцов против меньше-

⁵ «Коммунист» (на русск. яз.), Тифлис, 22 июня 1920 г.

⁶ «Борьба», 22 июня 1920 г.

⁷ Киров ездил в черном кадиллаке с шофером в красной кубанке.

⁸ Грузинский филиал ИМЛ при ЦК КПСС. ф. 12798, оп. 5, д. 333, лл. 103—104.

⁹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, 1912—1921, М., 1936, стр. 231.

¹⁰ «Борьба», 22 июня 1920 г.

¹¹ См. «Кавказское слово» (на русск. яз., орган кадетствующей армянской интеллигенции), Тифлис, 24 июня 1920 г.

вистской диктатуры. Были проведены городские и уездные партийные конференции, на которых обсуждались вопросы новой тактики, заключавшейся в сочетании легальных форм борьбы с существованием нелегального партийного аппарата.

Тяга трудящихся Грузии в Коммунистическую партию приводила меньшевиков в ярость. Начались аресты и гонения на коммунистов. Закрывались большевистские регистрационные бюро, ответственные работники и рядовые партийцы десятками и сотнями арестовывались, заключались в тюрьмы или высылались за пределы Грузии. 16 июня 1920 г. председатель Временного ЦК КП(б) Грузии Ф. Махарадзе обратился с протестом к Н. Жордания. Он привел ряд вопиющих фактов нарушения меньшевистским правительством своего обязательства о легализации Коммунистической партии, об административном произволе властей, настаивая «на отмене постановления ген.-губернатора о высылке коммунистов»¹².

Посещавших советскую миссию коммунистов и беспартийных трудящихся меньшевики подвергали репрессиям. В протесте меньшевистскому правительству С. М. Киров писал: «Каждый день ко мне поступают все новые и новые заявления об арестах членов Коммунистической партии как в Тифлисе, так и в провинции, где одновременно организации коммунистической партии закрываются совершенно... Помещение Представительства РСФСР в Грузии обратилось в источник открытого вылавливания административными властями не только членов Коммунистической партии, но и просто граждан»¹³.

Этим меньшевистские власти не ограничивались. «По ошибке» они задерживали советских дипкурьеров, «по ошибке» вскрывали дипломатический багаж, а затем, после протеста полпреда, приносили извинения и тут же повторяли содеянное. В июле 1920 г. Киров обращал внимание Жордания на то, что арестовываются без всяких оснований сотрудники советской миссии, дипкурьеры, а также лица, попытавшиеся вступить в деловые отношения с органами Внешторга¹⁴.

Меньшевики свирепствовали в Абхазии, Аджарии, Юго-Осетии. В Багуме и после ухода англичан меньшевистская охранка продолжала преследовать коммунистов. Батумский генерал-губернатор Чиквишвили заявил явившимся к нему для переговоров представителям местной большевистской организации, что «если батумцы разделяют взгляды тифлисского «Коммуниста», то он не разрешит им легально работать»¹⁵. Массовые аресты происходили в Абхазии, где во всех уездах существовали уездные и районные комитеты, в селениях — партийные ячейки. В ночь на 21 июня 1920 г. меньшевики устроили облаву, арестовали членов Сухумского окружного комитета и без допроса заключили в тюрьму.

В Южной Осетии карательные отряды меньшевиков предавали огню осетинские деревни и чинили расправу над повстанцами, занявшими 8 июня Цхинвали и установившими там Советскую власть. Число жертв меньшевистского террора превысило 5 тыс. человек. Повстанцы обратились с телеграммой на имя Кирова (копия Ленину), в которой писали: «Просим товарища Кирова принять срочные меры к ограждению граждан Советской Ю.-Осетии от преследования и истребления»¹⁶. Киров в ноте меньшевистскому правительству потребовал прекращения насилия. Нота подняла авторитет Советской России в глазах национальных меньшинств Закавказья.

17 июля меньшевики закрыли обе выходившие в Тифлисе коммунистические газеты — «Коммунист» на русском языке и «Коммунисти» на грузинском, арестовали всех сотрудников редакций. Наступил критический момент. Нависла угроза расторжения меньшевиками мирного договора с Советской Россией и запрещения грузинских большевистских организаций. Сохранение мирного договора и продолжение легального существования Коммунистической партии имели тем большее значение, что империалисты, готовя новую интервенцию на юге страны, пытались вовлечь меньшевистскую Грузию в военный союз с Врангелем и панской Польшей. Нужно ли говорить, какую опасность это представляло и для Советской России и для грузинского народа? Киров настойчиво

¹² ЦГАОР и СС ГрузССР, ф. 48, д. 170, лл. 1—2.

¹³ Там же, ф. 51 д. 100, л. 111.

¹⁴ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 248.

¹⁵ «Борьба», 3 сентября 1920 г.

¹⁶ См. «Изв. Юго-Осетинск. научно-исслед. ин-та краеведения», вып. II, Сталинири, 1935, стр. 127.

добивался выполнения условий мирного договора. Надо было заставить меньшевистское правительство отменить и запрещение большевистских газет.

«Перед нами факт не преследования редакторов, нарушивших те или иные требования закона в Вашей Республике,— писал Киров 19 июля 1920 г. меньшевистскому министру иностранных дел,— а полная ликвидация печатных органов коммунистов с целью воспрепятствовать фактическому возобновлению их»¹⁷. Меншевики вынуждены были уступить. 25 июля стала выходить на грузинском языке новая газета «Ахали комунисти». Этот успех советской дипломатии был вместе с тем крупной победой грузинских большевиков.

Важнейшая задача Полномочного представительства РСФСР в Грузии заключалась в том, чтобы пресечь на территории меньшевистской Грузии вербовку добровольцев для переброски в армию Врангеля и не допустить превращения Грузии в базу снабжения врангелевцев.

На территории Грузии скопились в значительном количестве недобитые части белогвардейских армий. В справке, адресованной 23 июля 1920 г. военным атташе при Советской миссии в Грузии делегации РСФСР в смешанной комиссии по военным гарантиям, указывалось, что в Грузию отступили группа генерала Эрдели численностью в 6 тыс. человек, группа генерала Драценко численностью в 6—7 тыс. человек, части Донской и Кубанской армий и др. Группы Эрдели и Драценко имели 2880 винтовок, 1700 сабель, 58 пулеметов, 49 орудий, 4 танка, 8 легковых и 10 грузовых автомобилей, 5 самолетов, 4 радиостанции и др.¹⁸.

Меншевистское правительство всячески саботировало выполнение своего обязательства по мирному договору об интернировании белогвардейских войск с передачей личного состава, оружия и имущества представителю РСФСР. Как правило, интернированных размещали в концентрационных лагерях на берегу Черного моря до очередного прибытия белогвардейского или иностранного судна, которые переправляли их в Крым. Более того, как сообщал С. М. Киров Г. В. Чичерину, имелось «очень много оснований предполагать, вернее быть уверенным в том, что между Грузинским правительством и Врангелем существуют определенные соглашения»¹⁹.

Делегация РСФСР в русско-грузинской смешанной комиссии по военным гарантиям твердо отстаивала право Советской России на интернированное в Грузии белогвардейское имущество. Чтобы уклониться от передачи интернированных белогвардейцев и их имущества Советской России меньшевистская сторона выдвинула тезис о том, что подлежит передаче якобы только то, что было интернировано после заключения мирного договора, а то, что было интернировано до 7 мая, передаче не подлежит. После 7 мая, по утверждению меньшевиков, ничего не было интернировано. Меншевистский генерал-губернатор Батума и Батумской области Чхиквишвили уверял делегата Советской миссии, что в Батуме и его области нет никаких групп, организаций, учреждений, а также имущества, принадлежащих южнорусскому командованию. «В частном доме, который они занимали,— говорил Чхиквишвили,— осталось несколько стульев и столов, но и это не принадлежало командованию, а было только то, что они получили при занятии квартиры»²⁰. Чтобы скрыть белогвардейское имущество меньшевики всячески оттягивали отъезд представителей РСФСР в Батум после ухода оттуда англичан²¹.

Однако благодаря предусмотрительности С. М. Кирова меньшевики были разоблачены. Тотчас же после ухода англичан из Батума Киров направил своего уполномоченного в батумскую контору Госбанка. Уполномоченный обнаружил на месте дело № 61, подтверждавшее законность притязаний РСФСР на Батумское отделение банка, как принадлежавшее Добровольческой армии²². Одновременно делегат Советской миссии заявил свою претензию на так называемый «Минный двор», также принадлежавший белогвардейскому командованию.

Меншевистские делегаты в русско-грузинской смешанной комиссии по военным гарантиям всячески противились требованиям российской делегации. Но за них вопрос

¹⁷ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 255.

¹⁸ ЦГАОР и СС ГрузССР, ф. 62, д. 1, л. 5.

¹⁹ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 233.

²⁰ ЦГАОР и СС ГрузССР, ф. 1160, д. 1, лл. 12, 43.

²¹ Там же, л. 30.

²² Там же, л. 48.

решали уже грузинские трудящиеся. Так, взрывом Кинтришского моста и пожаром на керосинопроводе они сорвали переброску из Баку в Батум нефти, предназначенной к дальнейшей переправке в Крым. Отряды грузинских трудящихся нападали на меньшевистские войска, милицию и «народную гвардию», приближая своей борьбой конец меньшевистского господства.

С. М. Киров многое сделал для подготовки торгово-транзитного соглашения между Советской Россией и Азербайджанской ССР, с одной стороны, и меньшевистской Грузией, с другой. В августе 1920 г. он писал Г. В. Чичерину, что это «даст возможность реально продемонстрировать наши деловые отношения к этой республике и несомненно будет содействовать прояснению весьма запутанного политического горизонта»²³. Соглашение было подписано уже после его отъезда из Грузии, 14 ноября 1920 г.

Занимая пост советского полпреда в меньшевистской Грузии, С. М. Киров заботился и об обеспечении национального мира в Закавказье. Мы уже говорили о тех мерах, которые были приняты, чтобы прекратить кровопролитие в Юго-Осетии. Немало труда было им вложено в урегулирование спора между Советским Азербайджаном и дашнакской Арменией по вопросу о том, кому принадлежат районы Шаруро-Даралагезского уезда, Нахичеванского, Ордубатского, Джульфы, Зангезура и Карабаха²⁴.

Большая и трудная работа была проделана возглавляемой С. М. Кировым миссией по обеспечению мира между Советским Азербайджаном и меньшевистской Грузией. 12 июля 1920 г. при посредничестве РСФСР был подписан в Акстафе мирный договор между Азербайджанской ССР и меньшевистской Грузией. В дальнейшем, до установления Советской власти в Грузии, Советская миссия предотвращала конфликты, провоцируемые меньшевиками.

Временное успокоение внесло и заключенное 9 декабря 1920 г. между РСФСР и меньшевистской Грузией соглашение о праве оптации и о положении консулов. Переговоры были начаты еще Кировым. Он очень торопил Чичерина с решением этих вопросов. «Я неоднократно также указывал на то,— писал Киров в августе 1920 г.— чтобы поторопились с разрешением вопросов о праве оптации и о положении наших консулов»²⁵.

Деятельность Советской миссии по обеспечению национального мира в Закавказье в условиях насаждавшихся там при меньшевиках, дашнаках и мусавистах национальных распрей имела огромное положительное значение для закавказских народов.

* * *

17 сентября 1920 г. С. М. Киров по решению правительства РСФСР отбыл из Грузии в Москву, а затем в Ригу для ведения мирных переговоров с Польшей. С целью укрепить руководство КП(б) Грузии перед отъездом из Тифлиса он писал Кавказскому бюро ЦК РКП(б): «Было бы очень хорошо прислать... двух-трех товарищей-грузин, которых здесь не знают. Прошу также поторопить возвращение с конгресса III Интернационала грузинских делегатов, особенно тов. Тодрия. У нас есть опасение, что Ф. Махарадзе грузины не впустят в пределы царства грузинского, остальным, вероятно, удастся проехать»²⁶.

В соответствии с решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) и ЦК КП(б) Грузии в ночь с 11 на 12 февраля 1921 г. в Тифлисе началось вооруженное восстание против меньшевистских предателей. Оно быстро охватило районы республики. Революционный комитет, созданный для руководства восстанием, провозгласил Грузию Советской Социалистической Республикой и обратился за помощью к председателю Совета Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленину.

Во главе частей XI Красной Армии на помощь грузинскому народу шли Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров. Киров организовал знаменитый поход 98-й бригады 32-й стрелковой дивизии из Владикавказа через Мамисонский перевал, считавшийся зимой неприступным. 25 февраля Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину: «Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти. Да здравствует Советская Грузия!»

Наступила новая эра в жизни грузинского народа.

²³ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 235.

²⁴ Этот вопрос был окончательно решен при помощи РСФСР к полному удовлетворению обеих сторон после установления Советской власти в Армении.

²⁵ С. М. Киров. Статьи, речи, документы, т. 1, стр. 235.

²⁶ Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 11, д. 33, л. 1.

С. М. Киров не порывал связи с Грузией и в дальнейшем. Находясь впоследствии на работе в Баку и Ленинграде, он живо интересовался тем, что происходит в Советской Грузии, радовался ее успехам в социалистическом строительстве; при встречах с грузинскими товарищами проявлял большую осведомленность о том, что делается в республике и до конца своей замечательной жизни оставался большим другом грузинского народа.

